

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОНЯТИЙНОГО ПОЛЯ «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ 2000-Х ГОДОВ

Екатерина Юрьевна Алёшина,

Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия,
alcatherine@yandex.ru

Наталья Юрьевна Костина,

Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия,
nubones@yandex.ru

Получена 11.08.2023.

Поступила после рецензирования 13.11.2023.

Принята к публикации 25.12.2023.

Для цитирования: Алёшина Е. Ю., Костина Н. Ю. Особенности репрезентации понятийного поля «Глобализация» в англоязычной политической риторике 2000-х годов // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 78–97. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_78

Аннотация

В статье исследуется проблема актуализации и презентации понятийного поля «Глобализация» в англоязычном публичном политическом дискурсе начала 2000-х

© Алёшина Е. Ю., Костина Н. Ю., 2024

годов. Актуальность обусловлена особенностями геополитической ситуации периода, когда глобализационный процесс, подкрепленный теорией неоллиберального экономического развития, явился точкой пересечения экономических интересов англосаксонской элиты с политическими, имплицитно подразумевая заявку на построение новой модели мироустройства. В условиях быстротекущих и нарастающих изменений общественного сознания и политической ситуации разрабатывались стратегии воздействия на мировое общественное мнение в направлении складывания картины «уверенных целенаправленных процессов с четким руководством» на фоне всеобщей нестабильности и хаотичности изменений. Цель исследования можно определить как выявление специфики формирования понятийного поля «Глобализация» в лексической системе английского языка как результата когнитивного освоения социального конструкта нового типа с последующей реализацией и модификацией в дискурсивной практике политического общения. Таким образом, в центре исследовательского интереса находятся механизмы информационного освоения изменяющегося социального опыта через языковые знаки, а также процесс пополнения и модификации полученной информации в когнитивно-деятельностной коммуникации. Отмечается, что рассматриваемое понятийное поле коррелирует с фазами развития политического и экономического проекта «Глобализация». В исследовании выявлены стратегии представления понятийного поля в публичном политическом дискурсе, как основанные на типичных для англо-американского риторического стиля чертах, так и обусловленные особенностями геополитической ситуации и психологии целевой аудитории американских политиков в начале XXI века. Делаются выводы относительно аспектуальной специфики отражения картины мира в англосаксонской политической коммуникации. В частности, отмечается, что англосаксонский политический дискурс в начале 2000-х годов пополнился новыми понятиями глобалистики, обработанными в соответствии с желанием элиты лидировать на трансграничном уровне, стусежать острые углы классовости, повернуть мировое развитие в сторону интересов невидимого путешествующего без преград капитала.

Ключевые слова:

глобализация, политическая риторика, понятийное поле, американские политики, англосаксонская политическая коммуникация

REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL FIELD «GLOBALIZATION» IN THE ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL RHETORIC OF THE 2000S.

Ekaterina Yu. Aleshina,

Penza State University,
Penza, Russia,
alcatherine@yandex.ru

Nataliya Yu. Kostina,

Penza State University,
Penza, Russia,
nubones@yandex.ru

Received 11.08.2023.

Revised 13.11.2023.

Accepted 25.12.2023.

For citation: Aleshina, E.Yu., Kostina, N.Yu. (2024). Representation of the Conceptual Field «Globalization» in the English-Language Political Rhetoric of the 2000s. *Discourse-P*, 21(1), 78–97. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_78

Abstract

The article examines a problem of the conceptual framework for Globalization in English-language public political discourse in the early 2000s. This framework correlates with different phases of Globalization as a political and economic project. The study identifies strategies for representing the conceptual framework in public political discourse based on typical Anglo-American rhetorical style and it takes into account current geopolitical situation and psychology of the target audience for American politicians at the beginning of the 21st century. It is worth mentioning that globalization, grounded by the theory of neoliberal economic development, was the process where economic interests of Anglo-Saxon elite intersected with political ones, claiming to build a new model of the world order. In the context of rapid and growing changes in public consciousness and the political situation, certain strategies were developed to influence public opinion all around the world and make people believe that Globalization is a purposeful process that brings clear and confident leadership against the background of general instability and chaotic changes. The purpose of the study is to identify the specific features of the conceptual framework for Globalization in the lexical system of the English language that resulted from a new type of social construct having been developed, followed by modification in

discursive practice of political communication. Thus the paper goes into the mechanisms of how social experience changes being informationally assimilated through linguistic signs, as well as the way the information received through cognitive activity communication is modified. Conclusions are drawn regarding the world picture being reflected in Anglo-Saxon political communication. In particular, it is noted that typical Anglo-Saxon political discourse in the early 2000s was replenished with new concepts of global studies, processed in accordance with the desire of the elite to lead at the cross-border level, to remove class conflicts from view, and to turn the world development towards the interests of invisible capital travelling without barriers.

Keywords:

globalization, political discourse, conceptual framework, American politicians, Anglo-Saxon political communication

Введение

С конца 1990-х гг. после трансформации биполярной структуры мировых политических отношений появилась необходимость ее замены новым типом взаимодействия на межгосударственном уровне. В это же время проявляет себя новая виртуальная социальная надстройка (Интернет и социальные сети), в которой территориальные границы не имеют решающего значения, в экономике укрепляется разделение труда и появляются новые типы межнационального взаимодействия на основе компьютерных технологий, в теории социальности – идеи полной победы западного типа демократии и «конца истории» (в терминах Ф. Фукуямы).

В этих условиях англосаксонский мир делает ставку на глобализационный процесс, подкрепленный теорией неолиберального экономического развития как точку пересечения своих экономических интересов с политическими, в перспективе делая заявку на построение новой модели мироустройства.

Свое видение глобализации как нового элемента всеобщей картины мира в 2000-х гг. англосаксонская политическая элита изложила через политические дискурсивные практики. В условиях быстротекущих и нарастающих изменений общественного сознания и политической ситуации разрабатывались стратегии воздействия на мировое общественное мнение в направлении складывания картины «уверенных целенаправленных процессов с четким руководством» на фоне всеобщей нестабильности и хаотичности изменений.

К началу 2000-х гг. в общем поле политического дискурса постепенно возникло понятийное поле «Глобализация», сформировавшееся как результат и дистилляция глобальных и национальных речевых практик в области глобализации. Особенности репрезентации понятийного поля «Глобализация» представляют несомненный исследовательский интерес.

Цель исследования можно определить как выявление специфики формирования понятийного поля «Глобализация» в лексической системе английского

языка как результата когнитивного освоения социального конструкта нового типа с последующей реализацией и модификацией в дискурсивной практике политического общения. Таким образом, в центре исследовательского интереса находятся механизмы информационного освоения изменяющегося социального опыта через языковые знаки, а также процесс пополнения и модификации полученной информации в когнитивно-деятельностной коммуникации. При этом достижение цели исследования предполагает решение ряда задач, направленных на изучение этапов развития глобализационного проекта и выявление целевых установок по мере складывания практик дискурса глобализации. Исследование проведено на лингвистическом материале оригинальных выступлений американских политиков высокого ранга общим объемом 125 000 знаков.

Методологические основы исследования

В современных условиях интерес к дискурс-исследованиям не ослабевает. Работы, посвященные политическому дискурсу, направлены на изучение когнитивных механизмов организации дискурса и проблему отражения в нем актуальных вопросов современности (Т. ван Дейк, Р. Водак, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, О. Ф. Русакова, В. Ю. Самарцев, Н. Феркло, П. Чилтон, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.). Согласно О. Ф. Русаковой, «с конца 1960-х годов “лингвистический поворот”, прежде всего благодаря интенсивному распространению идей и терминологии постмодернизма и семиотики в интеллектуальных кругах, превращается в “дискурсивный поворот”» (Русакова, 2006, с. 191).

В данном исследовании под дискурсом мы понимаем «тематически определенный текст, задуманный и предполагаемый как целый и завершённый, но рассмотренный в ситуации общения, в которой он разворачивается» (Блох, 2013, с. 9). Соответственно, политический дискурс представляет собой текст, разворачивающийся в ситуации политического общения (Алёшина, 2020). В фокусе исследовательского интереса – функционирование понятийного поля «Глобализация» в ситуации политической коммуникации.

В соответствии с основными положениями теории коммуникации мы используем понятие коммуникативной стратегии как совокупности запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели (Клюев, 1998, с. 10). Реализация стратегий сопровождается созданием семанто-информационных блоков, в соответствии с коммуникативными интенциями участников политического общения. В терминах Т. ван Дейка это семантические макроструктуры, состоящие из «макропропозиций довольно высокого уровня, выведенных из пропозиций, содержащихся в тексте, а также из фоновых знаний о мире»: «Они должны быть выведены из семантической интерпретации слов, фраз, предложений или последовательности предложений» (Дейк, 2000, с. 58). С когнитивной точки зрения в процессе реализации речевой стратегии происходит вербализация и объективация определенного содержания, которые знаменуют собой «работу с информацией, когнитивный процесс, рождающийся

в процессах познания и восприятия мира» (Григорьева, 2007, с. 21). Ключевую роль лексики в этом процессе подчеркивает Е. С. Кубрякова: «Все единицы языка служат либо выражению информации, либо ее распределению, либо, наконец, членению потока информации и при этом, делая это, они обслуживают как мыслительные процессы в голове отдельного человека, так и способствуют отражению опыта человечества в целом, фиксируя результаты восприятия и познания действительности» (Кубрякова, 2004, с. 251).

Важную методологическую составляющую данного исследования представляет концепция полевой организации лексических единиц. Выросшая из теории Й. Трира и В. Порцига (Trier, 1931; Porzig, 1934) концепция в ее современном виде постулирует, что для языка актуальна постоянно пополняющаяся строго организованная система понятий в виде понятийных полей, каждому из которых соответствует лексическое поле языка, состоящее из совокупности слов, объединенных общей гиперсемой (Жеребило, 2012).

Таким образом, концепция полевой организации словарного состава изначально направлена на осмысление связи содержательной стороны языка и его структурной организации на лексическом уровне. По Й. Триру, лексические поля – это реальности, которые занимают положение между единичными словами и совокупностью словаря. Они являются частью целого и сходны со словами в том, что вступают в сочетания, образуют единицы более высокого уровня, а также сходны со словарем в том, что могут быть разложены на меньшие единицы (Trier, 1931).

Теория лексического поля развивалась в трудах Л. Ельмслева, Л. Вайсгербера, С. Ульмана и других авторов. Л. Вайсгербер приходит к пониманию лексического поля как группы взаимодействующих знаков, являющейся частью промежуточного мира на границе мира вещей и мира сознания (Вайсгербер, 1993). В последствии основные векторы исследовательской мысли распределились между семасиологическим направлением (от слова к выражаемому смыслу) и ономасиологическим направлением (от идеи к способам ее выражения). Значительный вклад в развитие семасиологических исследований поля внесли Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова; ономасиологические исследования представлены работами Д. Н. Шмелева, М. В. Никитина, Ю. С. Степанова и др.

Значимость полевой теории как структурного конструкта разных уровней языка с высоким исследовательским потенциалом подчеркивается И. А. Стерниным: «В современной лингвистике интенсивно исследуются как отдельные языковые поля, так и полевой характер языка в целом. Проводимые исследования показывают плодотворность полевой модели языковой системы, которая представляет систему языка как непрерывную совокупность полей, переходящих друг в друга своими периферийными зонами и имеющих многоуровневый характер» (Стернин, 1985, с. 30).

На современном этапе большинством исследователей признается, что «поле имеет особую структуру – ядро-периферия, – для которой характерна максимальная концентрация полнообразующих признаков в ядре и неполный набор

этих признаков при возможном ослаблении их интенсивности на периферии» (Нильсон, 2001, с. 33). Системность организации рассматриваемого лексического конструкта наилучшим образом демонстрируется через роль семантического ядра поля, которое консолидируется вокруг компонента-доминанты. При этом периферия имеет зонную организацию (Стернин, 1985, с. 38).

С появлением понятия «дискурс» горизонты исследовательской парадигмы в отношении лексического поля расширились. Стало очевидно, что применение полевого подхода помогает развивать целостную теорию дискурса (Чернявская, 2001). В то же время изучение дискурсивной актуализации единиц лексического поля обогащает теорию полевой организации лексики, поскольку анализ и моделирование семантического поля только на основании лексикографических источников не будет полным, так как словарное толкование не способно объяснить всех реальных применений слова (Шмелев, 1973).

Актуальные исследования последнего времени, рассматривающие проблемы семантики и дискурса, направлены на выявление когнитивных механизмов передачи и аккумуляции информации в дискурсе через языковой знак. При процессуальном подходе к дискурсивным практикам актуализируются идеи семантических полей как носителей национальной специфики, так как «каждое семантическое поле присущим только данному языку способом членит тот кусок действительности, который оно отражает» (Караулов, 1976, с. 24).

Результаты исследования

Феномен глобализации: становление и эволюция

Термин «глобализация» получил распространение в середине 1970-х гг. и сначала использовался для характеристики экономической интеграции, постепенно расширяя референцию в соответствии с развитием процессов электронной коммуникации, социального взаимодействия и становления всемирных связей в целом.

Многогранность глобализации обусловила становление нового научного направления – глобалистики – на стыке истории, политологии и философии. Феномен глобализации изучали зарубежные и отечественные исследователи (З. Бауман, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Т. Левит, Р. Робертсон, К. С. Гаджиев, Н. В. Загладин, А. Н. Чумаков и др.).

Расцвет глобализации пришелся на 1980–1990-е годы и характеризовался стремлением к объединению рынков под эгидой неolibеральной политической модели и соответствующей идеологии, в рамках которой открыто провозглашалось торжество либеральной демократии и ее полная победа, отождествлявшаяся с метафорой Ф. Фукуямы «конец истории».

В начале 2000-х гг. проект «Глобализация» оценивается неоднозначно. Подчеркиваются его недостатки и необходимость пересмотра его стратегических составляющих.

В феврале 2004 г. был опубликован программный документ комиссии ООН по докладу «Справедливая глобализация: создание возможностей для всех»,

в котором были сформулированы основные направления глобализационного процесса, его недостатки, а также возможные способы их исправления. В документе отмечалось, что глобализация придала импульс процессу глубоких преобразований жизни общества в целом и каждого человека в отдельности. Благодаря новой технологии, потребовавшей большей открытости политики, мир стал более чем когда-либо взаимозависимым. В то же время подчеркивалось, что современный процесс глобализации ведет к весьма неоднородным результатам как внутри стран, так и между ними. «Создается богатство, но при этом слишком многие страны и народы не могут воспользоваться его преимуществами. Кроме того, они лишены возможности оказывать воздействие на этот процесс... Даже в экономически благополучных странах некоторые работники и общины также испытывают на себе отрицательные последствия глобализации, и при этом осознание такого неравенства еще более усиливается благодаря революции в глобальных коммуникационных системах... Такой глобальный дисбаланс морально неприемлем и политически несостоятелен. Для того чтобы изменить подобное положение вещей, надо не пытаться наскаком реализовать утопические идеи, а постепенно и скоординировано осуществлять преобразования и при этом проводить самые широкие меры, начиная от реформ различных элементов глобальной экономической системы и вплоть до укрепления механизмов управления на местном уровне»¹.

После терактов 11 сентября 2001 г. и кризиса 2008 года сомнения в эффективности глобализации как провозглашенного «проекта тысячелетия» усилились. Активизировалось движение антиглобализма.

Критический аспект дискурса глобализации актуализирует и заостряет противоречия процесса, демонстрирует альтернативные векторы осмысления будущего человечества. Н. Хомский подчеркивал, что «современная форма рыночно ориентированной и продвигаемой корпорациями глобализации – не единственная и далеко не лучшая из возможных форм», отмечая, что бенефициарами существующей формы глобализации являются ее архитекторы – приближенные к власти владельцы частного капитала². На развитие идеологии антиглобализма значительное влияние оказали труды З. Баумана «Текущая современность» (Бауман, 2008), Н. Кляйн «No Logo. Люди против брендов» (Кляйн, 2005), А. Сена «Развитие как свобода» (Сен, 2004) и др.

С 2008 г. начал получать широкое распространение дискурс постглобализации, высвечивающий ограниченность проекта глобализации и подвергающий критике неолиберальную модель общественного устройства. По мнению Ю. В. Асочакова, понятие «постглобализация» разграничивает глобализацию во времени и пространстве, делая видимой «линию разлома» неолиберальной

¹ *A Fair Globalization: Creating Opportunities for All: Report of the world Commission on the Social Dimensions of Globalization.* (2004). Retrieved January 20, 2021, from <https://www.un.org/ruleoflaw/blog/document/a-fair-globalization-creating-opportunities-for-all/>

² Chomsky, N. (2016, July 2). *Globalization, Inequality and Political Alienation.* Retrieved September 12, 2022, from <https://chomsky.info/globalization-inequality-and-political-alienation/>

модели, где следующий логический шаг связан с признанием недействительными таких понятий, как «однополярность», «рыночный фундаментализм» и др. (Асочаков, 2019, с. 22).

Постглобализацию, на наш взгляд, следует рассматривать не как отказ от глобализации, а скорее как ее переход в новую стадию своего развития, включающий пересмотр целого ряда прежних установок. Согласимся со следующим утверждением: «...постглобализация как концепция смены содержания глобализации и превращения ее в категорию объектов, отвечающих требованиям “зрелости реальности”, может быть рассмотрена в терминах диалектического метода и исследована научно, т.е. на основе наблюдений и анализа. Это открывает перспективы для объективного изучения глобализации и создания в результате теории глобализации, которая не будет, в отличие от “проекта тысячелетия”... нарративом о “конце истории”, желательном продвижении либеральной демократии, глобальном развитии как “лечении болезни” пока еще “непросвещенных” частей мира» (Асочаков, 2019, с. 23).

Понятийное поле «Глобализация»

Понятийное поле, представляющее собой систему понятий-лексем, организованных вокруг центрального понятия, складывается вокруг смысловых доминант картины мира языкового сообщества. Соответственно, развитие наполняемости поля связано с внеязыковыми продвижениями в соответствующей сфере деятельности человека. Мы рассматриваем смысловое поле «Глобализация», формирование которого совпало со стадиями развития проекта глобализации.

Формирование референтной базы поля началось с появлением понятия глобализации, продолжилось с оформлением и проведением в жизнь концепции глобального развития в рамках неолиберальной идеологии, пополнялось из научного, публицистического и других дискурсов, программных документов по теме, что привело к появлению дискурса глобализации.

Согласно А. О. Лалетиной и Е. С. Гриценко, «наибольшее освещение феномен глобализации получил в экономической теории, политологии, социологии и культурологии, важным результатом этих научных изысканий является возникновение дискурса глобализации» (Лалетина, Гриценко, 2012, с. 255). В политическом отношении этот дискурс формируется как совокупность дискурсивных практик по проблемным вопросам мировой политики и мировой цивилизации (Глассер, 2023).

Таким образом, освоение нового социального конструкта сопровождалось активизацией коммуникативных практик в данной понятийной области, что приводило к оформлению вновь возникаемого опыта в системе языка. Так, структурно лексическое и семантическое поле понятия «Глобализация» представляется состоящим, во-первых, из базового понятия-концепта “globalization” или «ядра», во-вторых, из организованного вокруг «ядра» пространства понятий-дериватов, таких как “globality” (глобализм), “global” (глобальный), “postglobalization” (постглобализация); в-третьих, из периферийной зоны, куда входят экономические практики глобализации, социальные, экологические

и культурные проблемы, связанные с процессами глобализации, политические глобальные решения и ряд других вопросов глобального уровня.

Упомянутый программный документ «Справедливая глобализация: создание возможностей для всех» актуализировал некоторые участки понятийного поля концепта Globalization: “social (economic, political, environmental) dimensions of globalization” – социальные (экономические, политические, экологические) измерения глобализации; “global community” – глобальное сообщество; “key characteristics of globalization: (trade, foreign investment, financial flows, technology, interrelations, environment)” – ключевые характеристики глобализации (торговля, зарубежные инвестиции, финансовые потоки, технологии, международные отношения, окружающая среда); “uneven development” – неравномерное развитие; “goals of globalization” – цели глобализации и некоторые другие.

В рамках критического дискурса происходит активное пополнение понятийного поля концепта «Глобализация», в частности, благодаря критическим публикациям по проблемам глобализма Н. Хомского³. Ряд понятий получают ярко выраженную негативную оценочность, вводятся в оборот новые метафоры, устойчивые выражения: “march to the tune of neoliberal globalization” (марш под дудку неолиберальной глобализации); “massive economic insecurity” (массовая экономическая незащищенность); “myths about globalization” (мифы о глобализации); “antiglobalists are modern Luddites” (антиглобалисты – это современные луддиты); “to back the clock against progress of science and technology” (повернуть часы назад против прогресса науки и технологии); “the GVC world” (мир глобальных цепочек добавленной стоимости); “global power” (глобальная власть); “winners and losers of globalization” (победители и проигравшие глобализации); “technology and globalization are not destiny” (технология и глобализация не предначертаны судьбой); “adverse effects of globalization” (побочные эффекты глобализации) и др.

В связи с вышесказанным дадим уточненное определение дискурса глобализации, который мы предлагаем понимать как совокупность коммуникативных практик на глобальном и национальном уровнях, в результате которых формируется и лексически оформляется участок картины мира языкового сообщества, отражающий как объективные процессы, так и устойчивые ассоциативные связи, характерные для определенного исторического этапа развития языкового сообщества.

Репрезентация глобализации в политическом дискурсе начала 2000-х гг.

Рассмотрим стратегические установки, встречаемые в публичных репрезентациях дискурса глобализации, представленные в выступлениях таких американских политических лидеров начала 2000-х гг., как Б. Обама (президент США в 2009–2017 гг.) и Дж. Керри (в 2009–2013 гг. – председатель Сенатского комитета по внешней политике, в 2013–2017 гг. – Государственный секретарь США).

³ Chomsky, N. (2017, June 22). *Myths of Globalization*. Retrieved March 5, 2023, from <https://chomsky.info/20170705/>

Стратегия демонстрации успешности проекта основывается на искусственном создании образа «абсолютно успешного политико-экономического продукта» через логическую аргументацию и эмоциональное воздействие: формулировки успехов глобализации, перезарядку отрицательных понятий, введение собственной терминологии и образности, развенчание негативных стереотипов как несостоятельных. Проиллюстрируем данную стратегию отрывком из обращения Б. Обамы к Британскому парламенту 25 мая 2011 г.

“The time for our leadership is now. It was the United States and the United Kingdom and our democratic allies that shaped a world in which new nations could emerge and individuals could thrive. And even as more nations take on the responsibilities of global leadership, our alliance will remain indispensable to the goal of a century that is more peaceful, more prosperous and more just... In other words, we live in a global economy that is largely of our own making. And today, the competition for the best jobs and industries favors countries that are free-thinking and forward-looking; countries with the most creative and innovative and entrepreneurial citizens”⁴.

«Именно сейчас настало время для нашего лидерства. Именно США, Соединенное Королевство и наши демократические союзники сформировали мир, в котором могут появиться новые нации, а отдельные личности могут процветать. Даже когда все больше наций принимают обязательства глобального лидерства, наш альянс останется незаменимым в достижении цели века, которая является более мирной, процветающей и справедливой... Другими словами, мы живем в глобальной экономике, которая есть результат наших трудов. А сегодня конкуренция за лучшие рабочие места и промышленность приносит успех свободомыслящим и масштабно мыслящим странам, странам с самыми креативными, изобретательными и предприимчивыми гражданами».

Приведенный отрывок характеризует нарочито пафосный тон. Ключевое слово “leadership” (лидерство) в первом предложении дополняется впоследствии эпитетом “global” (глобальное). Инверсия в первом предложении сосредотачивает внимание слушателей на понятии «сейчас», суть которого раскрывается при помощи метафор “have shaped a world” (сформировали мир), “the goal of the century” (цель столетия), параллельных конструкций с повышенной эмоциональностью “a century that is more peaceful, more prosperous, more just” (век более мирный, более процветающий, более справедливый), эпитетов-гипербол “the most creative and innovative and entrepreneurial citizens” (наиболее креативные, инновационно думающие и предприимчивые граждане), гиперболических метафор “economy which is largely of our own making” (экономика во многом нашего авторства).

Таким образом, создается картина экономического благополучия как результата усилий политической элиты по реализации положительно зарекомендовавшего себя экономического направления.

⁴ Obama, B. (2011, May 25). *Address to the British Parliament*. Retrieved August 25, 2020, from <https://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamabritishparliament.htm>

Рассмотрим еще один пример – отрывок из обращения Б. Обамы к народу Греции 16 ноября 2016 г.

“Because the world has never, collectively, been wealthier, better educated, healthier, less violent than it is today. That’s hard to imagine, given what we see in the news, but it’s true. And a lot of that has to do with the developments of a integrated, global economy”⁵.

«Потому, что мир никогда коллективно не был здоровее, лучше информирован, менее полон насилия, чем сегодня. Это сложно представить, посмотрев новости, но это правда. И многое из этого является следствием прогресса интегрированной, глобальной экономики».

Данный отрезок текста реализует пафосную положительную образность, подобную предыдущему текстовому отрывку, гиперболизированные структуры с прилагательными в сравнительной степени имплицитно подразумевают сравнение с «доглобализационной» эпохой не в пользу последней: “the world has never, collectively, been wealthier, better educated, healthier, less violent than it is today” (мир никогда коллективно не был здоровее, лучше информирован, менее полон насилия, чем сегодня); аргумент к глобализации как основе процветания “a lot of that has to do with the developments of an integrated, global economy” (многое из этого является следствием прогресса интегрированной, глобальной экономики); аргумент к истине “hard to imagine, given what we see in the news, but it’s true” (это сложно представить, посмотрев новости, но это правда).

Заслуживает внимания появление аргументативной базы, построенной на утверждении глобализации как основы современного экономического процветания. Оправдание глобализации построено на аргументе к ней самой как единственному возможному сценарию развития.

Стратегия подмены экономических сторон глобализации политическими. При продвижении проекта глобализации фоном для риторики стало общее место про доминирование США и его роли арбитра в решении проблем глобализации. В выступлении Дж. Керри о Транстихоокеанском торговом партнерстве 19 мая 2015 г. глобализация представлена как естественный процесс, без которого невозможно дальнейшее развитие.

“Globalization has no reverse gear, my friends. As technology continues to evolve, as more and more people in the world have smartphones and look and listen to what people are doing and thinking in other countries, the world will become more interconnected, not less. And no politician anywhere in the world has the power to change people’s desires to be connected, to be part of the world, and in many ways to share what they see other people having that they want themselves”⁶.

⁵ Obama, B. (2016, November 16). *Address to the People of Greece*. Retrieved August 19, 2020, from <https://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamagreeceseople.htm>

⁶ Kerry, J. (2015, May 19). *Transpacific Trade Pact Speech*. Retrieved August 19, 2020, from <https://www.americanrhetoric.com/speeches/johnkerrytranspacifictradepactboeing.htm>

«Мои друзья, у глобализации нет задней скорости. Технологии продолжают развиваться по мере того, как у все большего количества людей появляются смартфоны для того, чтобы наблюдать за жизнью и образом мысли людей из других стран, мир становится более взаимосвязанным, не менее. И ни один политик в мире не имеет власти над желанием людей быть объединенными, быть частью мира и во многом делиться тем, что имеют одни и хотели бы иметь другие».

Текстовый отрывок начинается с создания яркого образа глобального процесса как стремительно движущегося вперед болида, не имеющего конструктивной возможности дать заднюю скорость. По мере развития нарратива выдвигаются аргументы к естественным процессам, не имеющим обратного хода: появления новых технологий и желанию людей жить лучше. Сравнительная конструкция “the world will become more interconnected, not less” (мир становится более взаимосвязанным, не менее) с эмфатическим построением актуализирует идею естественности и необратимости глобальных изменений. Кульминацией можно считать аргумент к несостоятельности попыток обратить процесс вспять. В данном отрывке демонстрируется потенциал англосаксонской риторики в утверждении сценария необратимости глобальных перемен, что также имеет своей целью создание определенного стереотипа мышления.

Стратегия замалчивания и затемнения экономических выгод групп лоббирования. В процессе репрезентации интересов политических и экономических элит в продвижении проекта «Глобализация» англосаксонская риторика, которая на первый взгляд является открытой и демократической, оказывается на самом деле подтекстово закрытой: затемняется аргументативная база, ораторы прибегают к откровенно популистским приемам уменьшения дистанции с аудиторией, даже к некоторой степени фамильярности, что можно проиллюстрировать отрывком из выступления Дж. Керри о Транстихоокеанском торговом партнерстве от 19 мая 2015 г.

“The third major argument that you hear against TPP (Transpacific Partnership) is the standard line about outsourcing and globalization. It’s a genuine feeling... The fact is globalization is here to stay. No one can put that genie back in the bottle. What we can do is mitigate the negative impacts. And in the end, when you measure all the benefits against all the negatives, I believe the balance says it is absolutely a good thing for our nation and for the world”⁷.

«Третий основной аргумент, который вы слышите против Транстихоокеанского партнерства, это стандартное место об аутсорсинге и глобализации. Это искреннее чувство... Но факт в том, что глобализации пришла, чтобы остаться. Нельзя загнать джинна обратно в бутылку. Что мы реально сможем сделать – это смягчить отрицательные последствия. В конце концов, когда вы взвесите положительные и отрицательные последствия, то, думаю, результат подскажет вам, что это хорошая вещь для нашей нации и мира в целом».

Приведенный отрывок содержит аргументацию от противного. Негативные последствия глобализации в нем названы «общим местом» аргументации про-

⁷ Kerry, J. (2015, May 19). Op. cit.

тивников глобализационных союзов: “the third major argument that you hear against TPP (Transpacific Partnership) is the standard line about outsourcing and globalization” (третий основной аргумент, который вы слышите против транс-тихоокеанского партнерства, это стандартное место об аутсорсинге и глобализации). Таким образом, борьба с противниками ведется при помощи аргумента в пользу необратимости глобализации и призыва к действиям сомнительной эффективности.

Стратегия признания некоторых отрицательных последствий глобализации с целью продвижения собственной политики. Проиллюстрируем данную стратегию отрывком из выступления Б. Обамы, обращенного к европейцам 25 апреля 2016 г.

“As I mentioned before, the economic anxieties many feel today on both sides of the Atlantic are real. The disruptive changes brought about by the global economy, unfortunately, sometimes are hitting certain groups, especially working-class communities, more heavily. And if neither the burdens, nor the benefits of our global economy are being fairly distributed, it’s no wonder that people rise up and reject globalization. If there are too few winners and too many losers as the global economy integrates, people are going to push back”⁸.

«Как я уже упоминал, озабоченность экономическими проблемами по обе стороны океана имеет под собой реальную подоплеку. Разрушительные изменения, принесенные глобальной экономикой, к сожалению, сильно бьют по некоторым социальным группам, особенно рабочему классу. И если ни побочные эффекты, ни дивиденды от глобальной экономики не будут справедливо распределены, нечего и удивляться, что люди поднимутся в протесте против глобализации. Если будет слишком мало победителей и слишком много проигравших в процессе мировой экономической интеграции, люди от нее отшатнутся».

Приведенный фрагмент речи изобилует образами и лексемами отрицательной оценочности: “the economic anxieties many feel today on both sides of the Atlantic are real” (озабоченность экономическими проблемами по обе стороны океана имеет под собой реальную подоплеку), “disruptive changes brought about by the global economy” (разрушительные изменения, принесенные глобальной экономикой), “are hitting certain groups, especially working-class communities, more heavily” (сильно бьют по некоторым социальным группам, особенно рабочему классу), “people rise up and reject globalization” (люди поднимутся в протесте против глобализации), “people are going to push back” (люди от нее отшатнутся). В осмыслении глобальных проблем появляются фразы-клише с двумя пиками смысла: “neither the burdens, nor the benefits of global economy” (ни побочные эффекты, ни дивиденды от глобальной экономики), “winners and too many losers of the global economy” (победители и проигравшие в мировой экономике).

⁸ Obama, B. (2016, April 25). *Address to the Peoples of Europe*. Retrieved October 10, 2021, from <https://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamaeuropehanover.htm>

В указанном выступлении Б. Обамы «открытая» постановка проблемы оборачивается провозглашением популистских способов ее решения:

“So all of us in positions of power have a responsibility as leaders of government and business and civil society to help people realize the promise of economic and security in this integrated economy. And the good news is, we know how to do it. Sometimes we just lack the political will to do it”⁹.

«Поэтому все мы, лидеры правительств, бизнеса и общественности, имеющие доступ к власти, несем ответственность за реализацию перспектив экономической интеграции и идей безопасности в новом мире в сознании людей. И хорошая новость состоит в том, что мы знаем, как это сделать. Иногда нам просто не хватает политической воли сделать это».

В данном отрывке, являющемся продолжением предыдущего высказывания, кризисная ситуация объясняется недостатком политической воли.

Таким образом, в проекте «Глобализация» совмещаются два жизненно важных для политических сил вектора: экономический и политический. Идея представления фактов развития как «глобальных» имеет важную импликацию, а именно, существуют способы организовать и управлять вне зависимости от внутренних интересов, причем так, чтобы «всем было выгодно».

Анализ лингвистического материала показывает, что в рамках политического дискурса происходит расширение и развитие понятийного поля концепта «Глобализация», вводятся новые понятия, возникают образы, озвучиваются клише. Политический дискурс обогатил семантическое поле данного концепта такими выражениями как “globalization is here to stay” (глобализация здесь, чтобы остаться); “no one can put that genie back in the bottle” (никто не может загнать джина обратно в бутылку); “globalization has no reverse gear” (у глобализации нет задней скорости); “the dizzying pace of globalization” (головокружительная поступь глобализации) и др.

Заключение

Основными источниками семантического обогащения концепта «Глобализация» выступают реальные изменения, происходящие в различных глобальных пространствах (политическом, экономическом, экологическом и др.), которые подвергаются дискурсивному осмыслению и интерпретациям со стороны представителей элит, органов власти, экспертного сообщества, СМИ, сетевых сообществ и других авторитетных институтов. Значительное влияние на процесс трансформации дискурса глобализации оказывают риторические и информационные особенности современных политических коммуникаций, формирующие и отражающие расстановку политических сил, массовые настроения социальных групп и оценку положения дел на мировой арене.

В начале 2000-х гг. проект «Глобализация» предоставил возможность для активного продвижения на мировой арене интересов англосаксонской

⁹ Obama, B. (2016, April 25). Op. cit.

элиты, в связи с чем он оказался ключевым в формировании идеологии и разнообразных практик неолиберализма. В результате непрерывно развивающейся информационно-коммуникативной деятельности в риторической системе данного проекта стали формироваться новые дискурсивные комплексы, существенно обогатившие его лексическую и семантическую основу.

Новая расстановка политических сил в начале 2000-х гг. привела к появлению однополярной модели мира, которая оформилась в виде концепта глобализации, первоначально представляемого как достижение «конца истории», т.е. окончательной и бесповоротной мировой победы либеральной демократии. Однако вскоре проект «Глобализация» подвергся критике со стороны антиглобалистов и других общественных сил, а также – различных исследователей и аналитиков, выступающих за необходимость развития новых форм глобализации с новыми движущими силами и новой идеологией. В результате возникла концепция постглобализации, лексически обогатившая дискурсивное поле глобализации и открывшая перспективы нового этапа в развертывании глобализации.

Рассмотренные нами риторические стратегии выступлений таких американских лидеров, как Б. Обама и Дж. Керри, позволили говорить о создаваемой ими во многом искаженной, прагматически ангажированной и затушеванной посредством различных манипулятивных приемов глобальной картины мира. При общей риторической театральности англосаксонского политического дискурса, его претензии на демократичность и открытость на деле имеет место подтасовка аргументации, популизм и схоластика.

Важным результатом дальнейшего проведения работ в сфере дискурс-исследований процесса обогащения лексического поля «Глобализация» станет формирование своеобразной «базы данных» в виде единиц соответствующего понятийного поля с полной референцией, воспроизводящей реальную картину глобализующегося мира. При этом следует помнить, что англосаксонский политический дискурс представляет собой складывавшуюся веками практику публичной политической риторики, которая в последние годы существенно пополнилась новыми понятиями глобалистики, обработанными в соответствии с желанием властной элиты лидировать на трансграничном уровне, маскировать острые углы классовости, повернуть мировое развитие в сторону непрерывного удовлетворения все возрастающих потребностей путешествующего без границ олигархического капитала.

Список литературы

1. Алёшина, Е. Ю. (2020). *Публичное выступление, посвященное политическому конфликту*. Москва: Прометей.
2. Асочаков, Ю. В. (2019). Постглобализация и новые контуры будущей современности. *Телескоп*, (1), 19–23. <https://doi.org/10.33491/telescope2019.103>

3. Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. Москва; Санкт-Петербург: Питер.
4. Блох, М. Я. (2013). Дискурс и системное языкознание. *Язык. Культура. Речевое общение*, (1), 5–10.
5. Вайсгербер, Й. Л. (1993). *Родной язык и формирование духа* (Изд. 2-е, испр. и доп.). Москва: УРСС.
6. Глассер, М. А. (2023). Российский дискурс глобализации. В О. П. Иванов (Отв. ред.), *Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир* (с. 236–260). Москва: Проспект.
7. Григорьева, В. С. (2007). *Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты*. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. техн. ун-та.
8. Дейк, Т. А. ван. (2000). *Язык. Познание. Коммуникация*. Благовещенск: Благовещ. гуманит. колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ.
9. Жеребило, Т. В. (2012). *Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: словарь-справочник*. Назрань: Пилигрим.
10. Караулов, Ю. Н. (1976). *Общая и русская идеография*. Москва: Наука.
11. Кляйн, Н. (2005). *No Logo: люди против брендов*. Москва: Добрая кн.
12. Клюев, Е. В. (1998). *Речевая коммуникация: Коммуникативные стратегии. Коммуникативные тактики. Успешность речевого взаимодействия*. Москва: Приор.
13. Кубрякова, Е. С. (2004). *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Яз. славян. культуры.
14. Лалетина, А. О., Гриценко Е. С. (2012). Дискурсы глобализации в зарубежной лингвистике. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, (638), 225–265.
15. Нильсон, Е. А. (2001). *Лексико-семантическое поле звукообозначений в английском языке (синхронный и диахронный аспекты)*: [Дис. ... канд. филол. наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена]. Российская государственная библиотека. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000323855/?ysclid=ltb9arcj3h43154635
16. Русакова, О. Ф. (2006). Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций. *Политэкс: Политическая экспертиза*, 2(3), 191–212.
17. Сен, А. (2004). *Развитие как свобода*. Москва: Новое изд-во.
18. Стернин, И. А. (1985). *Лексическое значение слова в речи*. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та.
19. Чернявская, В. Е. (2001). Дискурс как объект лингвистических исследований. В В. Е. Чернявская (Отв. ред.), *Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса* (с. 11–22). Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов.

20. Шмелев, Д. Н. (1973). *Проблемы семантического анализа лексики: (На материале русского языка)*. Москва: Наука.
21. Porzig, W. (1934). Wesenhafte bedeutungsbeziehungen. Beiträge zur *Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, 58(Jahresband), 70–97. <https://doi.org/10.1515/bgsl.1934.1934.58.70>
22. Trier, J. (1931). *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes (die Geschichte eines Sprachliches feldes)*. Bd. 1. Heidelberg: C. Winter.

References

1. Aleshina, E. Yu. (2020). *Publichnoe vystuplenie, posvyashchennoe politicheskomu konfliktu* [Public speech dedicated to the political conflict]. Moscow: Prometey. (in Russ.).
2. Asochakov, Yu. V. (2019). Postglobalizatsiya i novye kontury budushchey sovremennosti [Post-globalization and new contours of the future Modernity]. *Teleskop*, (1), 19–23. (in Russ.). <https://doi.org/10.33491/telescope2019.103>
3. Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Moscow; St. Petersburg: Piter. (in Russ.).
4. Blokh, M. Ya. (2013). Diskurs i sistemnoe yazykoznanie [Discourse and Systemic Linguistics]. *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*, (1), 5–10. (in Russ.).
5. Chernyavskaya, V. E. (2001). Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy [Discourse as an object of linguistic research]. In V. E. Chernyavskaya (Resp. ed.), *Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa* (pp. 11–22). St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov. (in Russ.).
6. Dijk, T. A. van. (2000). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskiy gumanitarnyy kolledzh im. I. A. Boduena de Kurtene. (in Russ.).
7. Glasser, M. A. (2023). Rossiyskiy diskurs globalizatsii [Russian discourse of globalization]. In O. P. Ivanov (Resp. ed.), *Novaya epokha mezhdunarodnoy bezopasnosti. Rossiya i mir* (pp. 236–260). Moscow: Prospekt. (in Russ.).
8. Grigorieva, V. S. (2007). *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty* [Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects]. Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. (in Russ.).
9. Karaulov, Yu. N. (1976). *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow: Nauka. (in Russ.).
10. Klein, N. (2005). *No Logo: lyudi protiv brendov* [No Logo: taking aim at the brand bullies]. Moscow: Dobraya kniga. (in Russ.).
11. Klyuev, E. V. (1998). *Rehevaya kommunikatsiya: Kommunikativnye strategii. Kommunikativnye taktiki. Uspeshnost' rehevogo vzaimodeystviya* [Speech communication: Communication strategies. Communication tactics. The success of speech interaction]. Moscow: Prior. (in Russ.).

12. Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (in Russ.).
13. Laletina, A. O., & Gritsenko E. S. (2012). Diskursy globalizatsii v zarubezhnoy lingvistike [Discourses of globalization in foreign linguistics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, (638), 225–265. (in Russ.).
14. Nilson, E. A. (2001). *Leksiko-semanticheskoe pole zvukooboznacheniy v angliyskom yazyke (sinkhronnyy i diakhronnyy aspekty)* [Lexico-semantic field of sound meanings in English (synchronous and diachronic aspects)] [Dissertation, The Herzen state pedagogical university of Russian]. (in Russ.). Russian State Library. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000323855/?ysclid=ltb9arcj3h43154635
15. Porzig, W. (1934). Wesenhafte bedeutungsbeziehungen [Essential meanings]. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, 58 (Jahresband), 70–97. (in Russ.). <https://doi.org/10.1515/bgsl.1934.1934.58.70>
16. Rusakova, O. F. (2006). Osnovnye raznovidnosti sovremennykh teoriy politicheskogo diskursa: opyt klassifikatsiy [Basic versions of modern theories of political discourse: experience of classifications]. *Politeks: Politicheskaya ekspertiza*, 2(3), 191–212. (in Russ.).
17. Sen, A. K. (2004). *Razvitie kak svoboda* [Development as freedom]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (in Russ.).
18. Shmelev, D. N. (1973). *Problemy semanticheskogo analiza leksiki: (Na materiale russkogo yazyka)* [Problems of semantic analysis of vocabulary (based on the Russian language)]. Moscow: Nauka. (in Russ.).
19. Sternin, I. A. (1985). *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of a word in speech]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. (in Russ.).
20. Trier, J. (1931). *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes (die Geschichte eines Sprachliches feldes)* [Der deutschen Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes (the history of a linguistic field) (Vol. 1)]. Heidelberg: C. Winter. (in Russ.).
21. Weisgerber, J. L. (1993). *Rodnoy yazyk i formirovanie dukha* [Mother tongue and Mental Education (2nd ed., rev. and augm.)]. Moscow: URSS. (in Russ.).
22. Zherebilo, T. V. (2012). *Terminy i ponyatiya lingvistiki: Leksika. Leksikologiya. Frazеologiya. Leksikografiya: slovar'-spravochnik* [Terms and concepts of linguistics: Vocabulary. Lexicology. Phraseology. Lexicography: a reference dictionary]. Nazran: Pilgrim. (in Russ.).

Информация об авторах

Екатерина Юрьевна Алёшина, доктор филологических наук, доцент, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0916-1014>, e-mail: alcatherine@yandex.ru

Наталья Юрьевна Костина, кандидат филологических наук, доцент, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, ORCID: <http://orcid.org/0009-0000-6148-1619>, e-mail: nubones@yandex.ru

Information about the authors

Ekaterina Yurievna Aleshina, Doctor of Philology, Associate Professor, Penza State University, Penza, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0916-1014>, e-mail: alcatherine@yandex.ru

Natalia Yurievna Kostina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Penza State University, Penza, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0009-0000-6148-1619>, e-mail: nubones@yandex.ru
